

— А КТО ваш любимый писатель? — спрашивают меня иногда студенты.

— Мой любимый писатель — Николай Евдокимов! — ответил бы я сегодня. — Писатель, которому очень дорого давался его растущий художественный авторитет. Писатель-самоотверженный. Писатель-экспериментатор, причем экспериментатор застенчивый, ибо наше время, время стабилизации литературных вкусов, исканий и репутаций, не располагает экспериментировать во всеуслышание.

«...Еду... искать... себя самого, того юного солдата, который многое уже знал об ужасах войны, но еще ничего не знал о страхе одиночества», — признается пожилой врач, герой «Страстной площади», вещи в творчестве Евдокимова, по-моему, переломной. И едет он, едет искать какого-то Виктора Травушкина, давнего случайно-

ные люди, населившие города и деревни, пожалуйста, живите в покое и созидательном труде, — прошептала она и заплакала». Для какого-то времени это было уместно; в жалобном монологе уместен был даже явный газетный штамп, лишенный интимности, невнятности доподлинной устной речи. Одно время, мне кажется, Евдокимов экспериментировал, стремясь продолжить Андрея Платонова, его размахистость, его громоздкие переходы от быта непосредственно к космосу. Героиня новеллы — современная разновидность героев Платонова.

Судьбы героев Евдокимова в одночасье радикально ломались, поведение их было решительно: р-раз — и отречься от жены, от сына, сыночка, затаился от них, скрылся, затерялся в людской толчея. А потому затерялся, что война изуродовала человека: «Матвей был безногий, с обгорелым одноглазым лицом — совсем инвалидной внешности

Книжная графика

Из иллюстраций к книге Н. Евдокимова «Сказание о Нюрке — городской жительнице».

Владимир ТУРБИН

ПЛОДОТВОРНЫЕ ИСКАНИЯ

го соседа по госпиталю, милого, тихого, ждавшего случая услужить, поддужиться, но высокомерно отвергнутого; совесть, день за днем пробуждаясь, жжет.

«...Страх боя ...ужас летящего на тебя снаряда... — это как бы забылось и будто стало второстепенным». Зато понятен, близок «инстинктивный ужас перед покоем, перед тишиной души...». В ходе творческой жизни писателя его герои заметно переменились. Раньше — снаряды, бомбы, вражеские автоматные очереди («Море — его земля», «Случай в особняке»). Что их подстерегает теперь? Ужас, вызванный «тишиной души». Ужас названный; сами слова «страх» и «ужас» черноточием влетают в произведения Евдокимова. И ужас неназванный; ужас глухих, бесчеловечных поступков, оскорблений, обид, причиняемых нами другим. Я не преувеличиваю, не форсирую звучание этой темы у Евдокимова. Я ее просто вижу, и скрывать того, что вижу, я не могу; не увидев этого, не поймешь его оптимизма и не схватишь сути его художественного развития.

Кто такой беллетрист? Беллетрист — не кто-то неполноценный. Беллетристика — это не так-то плохо; еще Белинский сокрушался, что у нас, россияне, ее нет, а надо бы нам ее; и к печалованиям впору присоединиться и ныне: беллетристики бы нам, да побольше. Впрочем же, вряд ли будет ее избыток. Мы любим расти, а беллетрист не умеет себя отрицать, являясь к читающей публике каждый раз неожиданным, так что ей даже обидно становится. В нем нет загадки. Он ровен. А Николай Евдокимов ровным быть почему-то не захотел.

Кому-то нравятся, несомненно, военные произведения Евдокимова — те, что написаны о войне. «Была война когда-то...», небольшая трагическая новелла, дала название книге писателя. Нравится ли новелла и мне? А вся книга? Несуразный вопрос: на каком этапе жизни больше нравится близкий вам человек? Подростком? Юношей? Зрелым ли мужем?

«Бомба взорвалась бесшумно, будто и не бомба, а хрупкое человеческое сердце...» — говорится в конце новеллы «Была война...». А героиня ее прощается с жизнью так: «— Прекрас-

мужик» («Была похоронка»). Почто же, решил Матвей, он, иждивенец-уродина, будет ближних обременять? И — бегство. Бегство «от»: от жены и от сына. В другой повести — бегство «к»: погоня Серафима Фролова за случайно обретенной женщиной, которой он нужен («Необходимый человек»). Огромные люди метались по огромной стране, и повсеместно их догоняли слова «ужас», «страх»: «Лицо ее перекопилось от страха... Матвей уткнулся лицом в землю. Мало ли горя он испытал в своей недолгой жизни?! Но страшнее этого горя, наверно, еще не знал: ужас в глазах ребенка, смотрящего на тебя». А «ужас», коего «страшнее» и не бывает, все оттого же: война изуродовала.

Говоря о самоотрицании, сопряженном с ростом художника, я имею в виду диалектическое, творческое отрицание. Отрицание, связанное с уважением к себе. Пусть же и скромный Николай Евдокимов будет «раним»; пусть будет у него «последующий период», период романа «У памяти свои законы», повестей «Сказание о Нюрке — городской жительнице», «Необходимый человек», «Была похоронка». Но то, что с 1977 года, с опубликования в журнале «Наш современник» «Страстной площади», Евдокимов вступил в новую фазу, надобно признать всем. Мир писателя вдруг стал более тихим: будто в радиоприемнике, в телевизоре резко убавили звук, и оказалась, что говорить вполголоса для героев Евдокимова как-то естественнее, а для него самого — органичнее. «Сказание», «житие» — эти жанры присущи Андрею Платонову, присутствию Леониду Леонову, у которого Евдокимов тоже многое творчески брал. Но Евдокимову больше пристало просто повесть, имеющая в нашей литературе огромные, многовековые традиции. Причем у Евдокимова повесть живет то в фантастическом, то в сугубо бытовом варианте: и сейчас продолжается противоборство тенденций.

Евдокимов сосредоточился на пространственном «пятачке» двух-трех узнаваемых районов Москвы. Страстная площадь, то есть площадь Пушкина. 1-я Мещанская улица, сиречь проспект Мира. Сретенка, Большая Полянка, Большая Спасская. И там-то, на этом плацдарме, на-

чалось брение страстей. Борьба с забвением началась, с забвением мудрых нравственных навыков старины, духовных ценностей, благородных, как дедовское серебро, почерневших от времени, но все-таки вечных.

«Многое мы забыли — что такое слезы забыли, что такое грех забыли, даже слово такое ушло из жизни, будто не было его», — сокрушается герой «Страстной площади». Невозможно не согласиться с ним. Героям новых вещей Евдокимова важно добраться до невяной, до внутренней сферы в себе. Заглянуть в нее. И очиститься, кто как может. Юмором, без которого Евдокимов немислим. Размышлением. Или порывом: сесть на скорый и ехать в поисках Виктора Травушкина, солдата, которому никто ничего плохого вроде бы и не сделал, его просто отвергли.

«Обида» — последняя вещь Евдокимова. Она не о бомбах. Она о словах.

«...Я и не знал, что слова не пустые звуки, а живые организмы. Я узнавал их первозданную суть... Продолговатые, квадратные, треугольные, кислые, сладкие, желтые, синие, красные, мягкие, твердые, прозрачные, непроницаемые, скользкие, шершавые — они жили своей жизнью... Я узнал — слова не умирают и не исчезают. Человек может умереть, но прозвучавшее слово не знает смерти». Это в «Страстной площади» говорится, и это, по-моему, что-то вроде застенчивой творческой, экспериментаторской декларации Евдокимова последних четырех-пяти лет.

О словах — «Ожидание»: хит-

рюга-девчонка опутала, оплела словами московскую старушку-пензионерку, мать погибшего фронтовика, выдала себя за внучку ее. О словах — и «Обида». Об инфляции слов. О превращении речи в треп и о том, как треп ближних наших порою превращает нас в куклы.

«Что мы видели, во что мы играли, дети войны? Мама мне сшила из тряпок куклу Дуньку, и эта Дунька была лучшей моей подружкой... Ни у кого не было такой веселой куклы». Еще было «страшное огородное пугало», воспоминание о котором преследует героиню. А потом и сама она выросла: прозаический выборный пост, член месткома, занимающийся распределением путевок... И пошел, бежал слухок, ядовитый и мстительный, будто взятки берет. А перед слухом мы беззащитны.

Логотоксикация, есть ли такая болезнь? Отравление словом, ежи на русский перевод. Есть такая болезнь! А рецептов против нее нет; и героиня «Обиды» приходится исцеляться самой, и она исцеляется, как исцеляется и герой «Страстной площади», врач. «Врачу — исцелися сам!» — будто твердит он себе.

«Исцелися сам!» — не здесь ли где-то надо искать дидактическую заповедь Евдокимова?

Нас воспитывают с колыбели и до могилы: папы, мамы, работницы детских садов и яслей, школа, профессорско-преподавательский состав в высшей школе, кураторы студенческих групп, юристы, миллионеры, газеты, журналы, книжки, радио, кино, телевидение и театр. Сие прекрасно, но само, сами мы обязаны себя воспитывать или нет?

Обязаны, вероятно. О нравственной нашей самостоятельности, о том, что человек прежде всего сам воспитывает себя и сам за себя отвечает, и твердит Николай Евдокимов.

Искания писателя Евдокимова соответствуют моим (и только ли моим?) исканиям и надеждам. И я очень его люблю.